

И.С. АНДРЕЕВА

КОМУ ПРИСНИТСЯ ЗЕЛЕНАЯ ТРАВА?

...А снится нам трава, трава у дома,
зеленая, зеленая трава...
«Земляне», «Трава у дома»

Пастораль – дивная поэтическая традиция, дошедшая до нашего времени из глубины веков. В идиллических поэтических творениях, в музыке и в изобразительном искусстве воспевалась пастушеская гармоничная жизнь в зеленых лугах, на пастбищах, среди роскошных деревьев и чистых ручьев. От буколик Феокрита (III в. до н.э.) и «Дафниса и Хлои» Лонга (II–IV вв.) и др., Боккаччо, Торквато Тассо, Полициано и др. до «Завтрака на траве» Клода Моне, некоторых эпизодов «Земляничной поляны» в фильме Бергмана. В нашу рационалистическую эпоху так и не придумали ничего более выразительного для натурального человеческого счастья: в связи с этим вспоминается светлый советский фильм «Трын-трава», в котором снимались С. Никоненко и Л. Федосеева-Шукшина.

Гармоничная жизнь пастуха и пастушки, выражаемая в символах совместного труда, взаимного доверия, преданности, теплоты, нежности и невинности на все времена, – эталон человечности. Роману о чистой любви Дафниса и Хлои давал высокую оценку великий Гёте, подчеркнув величайшее искусство и культуру произведения: «Его нужно читать каждый год, чтобы учиться у него и каждый раз чувствовать его красоту» (Беседа с Эккерманом 9 и 31 марта 1831 г.). Сейчас слишком много твердят о любви. С ее

красотой и с ее воплощением в жизнь существуют большие проблемы, однако, быть может, не все потеряно, пока есть тяга к земле зеленой, сакральной родине человечества?

В отечественном бытовании до недавнего времени наличие шести соток с крохотным домиком и грядками будило память о земле и мирило с невзгодами городской суеты. В наши дни зеленая трава у твоего порога стала мечтой не только космонавтов, но фактором физического и духовного самосохранения. Ужасна жизнь в городах, с ее почти безвоздушным пространством на улицах, в городском транспорте и метро, на производстве и в учреждениях, с противоречивыми законами, которые не исполняются, с беззакониями чиновников, с распадом нормативной и личной морали, когда и будущее ничего не обещает. Между тем в наших обширных сельских угодьях сама природа вопиет о человеческом участии: поля зарастают сорняком и кустарником; нет скота – нет и нужды в пастухах. Бушуют пожары, тонут в летних наводнениях города и селения, жители умирают в зимние холода. Рекультивация сельских территорий требует мощного организационного содействия государства. Для села также необходимы инновационные программы, о которых в связи с промышленностью и наукой так много и так долго говорится в высших инстанциях. Но еще больше нужна активизация так называемого человеческого фактора.

Речь идет о притоке не случайной рабочей силы, не командировочных, не лимитчиков, не мигрантов, а здоровых полноценных семей, готовых на уединенную, тяжелую (что говорить!), мало смахивающую на пасторальную, но в какой-то мере ей аналогичную жизнь. С недавнего времени наблюдается некоторый отток населения из города на село. Семьи, имеющие детей, осваивают брошенные дома и пытаются включиться в иную жизнь. Но для решения проблемы жизни-выживания в наше время настоятельно необходима также новая, своего рода инновационная программа восстановления погибающей на останках советского прошлого гражданской нравственности. Пока имеют место лишь слабые попытки такого рода.

К примеру, в Костромской области уже восемь лет работает группа социологов, демографов, социальных географов и экономистов, пытающихся обустроить восстановление жизнеспособности северных областей Центральной России. Заселяются пустуюю-

щие дома, налаживается информационное обеспечение (сотовая и сетевая связь, создание школьных компьютерных классов и т.п.), осваивается экотуризм, создаются базы отдыха, обеспечивая новые рабочие места, и т.п. Речь идет о клеточной глобализации. Отмечается сокращение алкоголизма (см.: 20). Но сельское хозяйство прозябает в упадке. Депутаты местной Думы требуют для села знающего хозяина и существенной помощи государства. Сельское население продолжает сокращаться, а молодежь прозябает на пенсиях бабушек (см.: там же). Кому же суждено жить в любви и вольно дышать?

Человечество переживает системный кризис. Христианская культура близка к коме. В переломные периоды истории и прежде переживались времена утраты образцов. Ныне речь идет о варварском отношении к природе и к человеку в условиях глобального истощения ресурсов, о деградации трудовой этики и общепринятых правил поведения. Богоборчество, вседозволенность, культ тела и плотских наслаждений, ломка ролевого и полового поведения, ослабление абсолютных табу, крушение семьи, разрушение привычных правил внутренних и международных коммуникаций и т.п. – все это мы ныне в существенных моментах переживаем сообща с Европой. В России, естественно, «особенная статья». Начать с того, что мы «вписываемся» в глобальный кризис на фоне существенных сдвигов в природно-климатических условиях – мощных катаклизмах, угрожающих не только технологическим достижениям человечества, но самому его обитанию на Земле.

Теперь о глобальном кризисе не пишет разве лишь ленивый. Оценки даются разные. Самая радикальная – сравнение нынешнего с кризисом позднего палеолита при переходе его к неолиту. Предсказывается, что такой кризис способен продлиться несколько столетий. Проследивая череду кризисов, в которых складывался (длинный XVI в. – до Вестфальского мира 1648 г.) и развивался капитализм до своего «золотого века» (в середине XX в.), завершившегося осознанием кризиса демократии (А. Хантингтоном, М. Крозье и Дж. Ватануки в 1975 г.); указывается, что ускорение этого кризиса на Западе связано с распадом СССР – противоядия от собственной гибели господствующей в мире системы, – существенно повлиявшим также на развитие кризисной составляющей

в постсоциалистическом мире. Если в 1980 г. в нем за чертой бедности находились 14 млн. человек, то в 1996 г. – 169 млн. (см.: 17).

Ныне гипербуржуазия и космократия всемирно орудуют на социальном и политическом уровнях, а средний класс и производители – рабочие и крестьяне – оказались в историческом офсайте. Но данное время для международной элиты – пир во время чумы. Новейшая стадия кризиса – рукотворная, правители мира не ведают, что творят. Не случайно творцы кризиса возглавляют и его авангард: европейская культура – на пороге самоубийства (см.: 17). Верховная охрана суверенности государственно-образующих народов существенно ослаблена: государственные институты выступают как административно-хозяйственный аппарат международной элиты. Яркий пример тому – мятежевойна бедноты на Ближнем Востоке в контексте внешней политики ООН и НАТО, инспирирующей ускорение собственной гибели. Надо же было догадаться обострять обстановку в Марокко и Египте и бомбить Ливию, не стремясь погасить конфликты. Неужели только для того, чтобы за несколько недель обрушить на Европу 30 тыс. мигрантов из Марокко и почти ежедневное прибытие по 1–2 тыс. беженцев из Ливии? Все это нашествие одарило Европейский союз с его шенгенской визой как раз тогда, когда 90% населения Германии (см.: 30) и даже главы ведущих государств Евросоюза (Ангела Меркель и Д. Камерон, по свидетельствам СМИ) признали провал мультикультурного проекта, основанного на толерантности и уважении к правам мигрантов, силой навязывающих европейским аборигенам чуждые им собственные обычаи, мифы и верования.

Предсказывают обреченность на скорую гибель мировой системы – ценной европейской культуры. Еще в 1992 г. Ж. Деррида – кумир постмодернизма – сформулировал обращение мирового духа к иным берегам и регионам (в эссе «Другой мыс»). Он воодушевлялся при этом тезисом П. Валери: «Что такое эта Европа? Всего лишь мыс Старого Света, западное окончание Азии» (цит. по: 28, с. 60). Деррида (родом из Алжира) вчуже взглянул на Европу как на мыс, хотя в то же время увидел себя в какой-то мере и частью этого мыса: «Я – европеец, но не до конца, больше того, я не хочу и не могу быть только европейцем» (цит. по: 30, с. 61). Деррида выдвинул положения, которые могли бы, по его мнению, продвинуть Европу за пределы мыса. Он писал об

ином «мысле», в котором будет место и для Европы, – это даст ей надежду на сохранение европейского духа, но в то же время угрожает ей и новыми войнами, и возвратом старых форм фанатизма, расизма и национализма, а также утратой духовной идентичности – всеобщности и универсализма. Как раз европейские притязания на всеобщность и универсализм Деррида хотел бы «взять» в постсовременность. Его «европейская идея» состояла в том, чтобы этот принцип служил «телом» для единичного, что и является самой культурой. Похоже, однако, что универсализм и всеобщность европейской культуры – дело прошлого. Ныне ускоряется движение к ослаблению государственных политических институтов и самого жизнеобеспечения, в духовном кризисе пребывает вера; творческие потенции – художественная литература, изобразительное искусство, театр, кино и пр. – «работают на понижение», господствует рационализм, отсутствует творческий порыв, красота и эстетика изгнаны на кухонный уровень.

«Европа: время ризом и симулякров, утраченная идентичность, – пишет отечественный автор. – У Европы появился новый хозяин, он без комплексов, без лицемерия. Я никогда не увижу Парижа французского, домагрибского... От прежнего Парижа остались камни, Башня и поля, на которых еще держится аромат жизни, созданной королями Франции. Пройдет еще немного времени, и Эйфелева башня будет стоять, как пирамида фараона в Египте. Уже нет народа, ее создавшего, нет веры, символом которой она являлась, а она стоит, и арабы-экскурсоводы торгуют не им принадлежащими мифами и преданиями» (см.: 9, с. 220).

В философии практикуется «клиповый стиль»: понятия теряют свой привычный за столетия смысл, а их содержание не раскрывается. Так, один из свободно мыслящих философов, называемый в СМИ лучшим философом России XXI в., считает галлюцинацию способом познания, не раскрывая содержания этого медицинского термина (правда, по контексту можно понять, что речь идет о чувственной ступени познания). Любимая тема об ускользаемом бытии долго остается за семью печатями, пока автор, наконец, не сообщает нам, что теперь под данным термином понимают быт, повседневное существование (см., напр.: 9, с. 44 и др.). К слову сказать, люди, все еще способные к познанию, не озабочены ускользанием бытия и по-прежнему оно восхищает их звездным не-

бом над головой; а вот моральный закон в нас, истоки которого хранятся в бездне веков, многие сейчас готовы выкинуть на свалку.

По происхождению наша культура состоит с Европой в культурном родстве, а потому в значительной степени мы едины с ней по ряду кризисных показателей. Многие из нас себе на погибель желают стать европейцами. Но западная мысль, не говоря о текущем жизнеустройстве, не подает нам разумного примера.

Сегодня, полагает А. Казин, осуществляется не ценностное приращение бытия, а его технологическая эксплуатация, моделирующая компьютерными средствами глобальный масштаб греха как нормы жизни. Ссылаясь на М. Хайдеггера, А. Казин утверждает, что в Европе (тем более в США) действительно нет бытия – там есть подручное прирученное существование, в основе которого лежит поистине святая вера – мечта о процветании, отграничивающем индивида от всего опасного и варварского, и о жизни, полной удовольствий, утоляющей все возможные и сверхвозможные потребности. Эта новейшая утопия жизни без страдания и греха имеет свое начало, но будет иметь и конец. Нужно же побольше думать о вечном.

Самой очевидной бедой, сулящей для всего человечества трагические последствия, но все еще недостаточно осознаваемой, является крушение семьи. Абсолют, Творец или Бог, сославший после первородного греха Адама и Еву на Землю, повелел им плодиться и размножаться в любви и терпении. Но человечество иногда являет себя как одичавшее стадо. Гёте предвидел время, когда человечество не будет радовать Бога, и Он вынужден будет вновь все разрушить для последующего обновления. Человек не останавливается на борьбе за удовлетворение жизнеобеспечения; он агрессивно стремится к беспределу в богатстве и власти. В вечной философской проблеме человеческого зла некоторые видят «поломку» человеческой натуры, выражающуюся в антропологических катастрофах, в основе которых лежат иррациональные формы деятельности и мышления, транслируемые людям из космоса мировой волей (см., напр.: 6, с. 7).

Известны черные времена. В канун и сразу после падения Западной Римской империи драматично-травматическое зарождение, становление и развитие европейской культуры потребовало многовекового мировоззренческого развития, в ходе которого преэминентность культурных образцов обеспечивало христианство. Ученые отмечают, что сейчас сравнение поведения людей с животными снова приобретает прямой, даже зловещий смысл. 1. Размывается зоосоциальный инстинкт – фундаментальное отличие человека от животного (как животное человек – ужаснее всех других тварей). 2. Звериное начало монтируется в социальный инстинкт; оно уже – не уродство или недостаток, а колоссальное преимущество; мир состоит из хищников и дичи: от «богочеловека» к зверочеловеку. Те, кто живет на земле и с земли, а также трудящиеся на фабриках и заводах, люди-недочеловеки, быдло, говорящие орудия. Речь теперь идет не об отчуждении, не о классовой вражде, а уже об антропологическом и биологическом разрыве между элитой и обществом. Посмотрим правде в глаза – Третий Рим пал, и на его развалинах строится новый варварский мир.

Семья – древнейший институт человеческого общества – прошла сложный путь развития. Она и теперь сохраняет ценность высшей пробы, оберегается племенами и народами, общинными устройствами и государством, законами и общественными службами, нормами и обычаями повседневной жизни, мифами, древнейшими табу, религией, заповедями и традициями. Еще в середине XX в. семью рассматривали как прочную и устойчивую ячейку общества, исправно воспроизводящую и достойно осуществляющую первичную социализацию новых поколений (ставя на ноги родившихся, прививая им гигиенические и социальные навыки, развивая в человеческом существе личность, готовую для жизни в социуме). К 70-м годам XX в. стали обнажаться глубокие внутренние противоречия семьи; ученые вспомнили о Питириме Сорокине, который еще в 20-е годы XX в. увидел причины начавшегося кризиса в распространении семьи нуклеарного типа, в уходе с исторической сцены расширенной семьи. В структуре семьи произошли существенные изменения в связи с общественными потрясениями и преобразованиями.

В те годы попытки выявления причин кризиса связывали с ослаблением брачных связей, с деформацией родительских ролей;

разрабатывались концепции, составлялись рецепты врачевания семьи, возлагались надежды на просветительские программы и т.п. Безусловно, они могли бы помочь осознанию причин семейного неустройства и подсказать пути их преодоления. Но ныне дело обстоит гораздо серьезнее. Современное состояние семьи и брака внушает большую тревогу: в начале третьего тысячелетия и XXI в. настоящее и будущее семьи представляются катастрофичными. Разрушаются базисные основы ее существования на макро- и на микроуровнях, тем самым под вопрос ставится собственно родовая сущность человека. Ныне семья потеряла свою ценность, размывается и определение понятия семьи; утверждается, что семья как единый институт не существует, есть родительство, супружество, родство – выбирай на вкус! А радикальные феминистки поют семье отходную: «Скатертью тебе дорога, семья» (8). Но без семьи, оказывается, угасают родовые признаки человека.

Похоже, люди сошли с ума: от преобразования природы как природной среды обитания они перешли к ее и своему собственному разрушению, от стремления к физическому и духовному совершенствованию – к разрушению своих базовых ценностей и деградации до животного состояния. «Процесс пошел» пока в ареале белой расы, обозначив разломы в семье на линии «Север – Юг» (поражает огромное количество мужчин в протестных манифестациях на Ближнем Востоке, где бушуют толпы, в которых нет ни женщин, ни стариков).

В чем проявляются наиболее существенные признаки крушения семьи?

Прелюдией антропологической катастрофы в нашей стране является распад и утрата единой территории. Противоестественно, что никто не воспротивился разрушению столетиями создаваемого в соответствии с так называемым территориальным инстинктом геополитического пространства, обеспечивавшего безопасность границ обитания русского и других проживающих здесь народов. Одним росчерком пера 25 млн. русских оказались за пределами родины. Уже все чаще речь идет об уходе русских со страниц истории.

Наиболее очевидной является депопуляция в связи с существенным падением рождаемости. Демографические процессы развиваются медленно, поэтому кризисное состояние в репродукции поколений, транслируемое на общество в целом, стало осознаваться не сразу. «Особая статья» России состоит со времен Петра в стремлении ее элиты уподобиться Западу. Исторические катаклизмы страны в XX в., стремительная модернизация и урбанизация, аналогичные Западу, тезис «догнать и перегнать Америку» сделали свое дело; коллективизация и город разрушали традиционную семью; Вторая мировая война, ликвидация неперспективных деревень и, наконец, распад страны не могли не обратиться в массовый процесс начавшейся трансформации семьи по городскому типу, а затем и к ее распаду.

В результате динамика катастрофы такова, что мы – «впереди планеты всей». Прежде всего речь идет об угасании основного инстинкта – самосохранения, об истощении генофонда государственно-образующего русского народа: процесс затрагивает и ряд других народов (например, башкир и татар, в ряде районов Кавказа также фиксируется сокращение рождаемости). Испокон веку наши правители были уверены в неисчерпаемости народа. «Незаменимых у нас нет» – лозунг партийного руководства: при модернизации экономики в 30-е годы XX в. и в начальный период Отечественной войны не щадили человеческие резервы, да и народ себя не жалел. А сейчас?

Последняя перепись населения свидетельствует о сокращении населения за восемь лет более чем на 2 млн. человек. В 2009 г. насчитывалось 1,8 млн. рождений и 2,1 млн. смертей. Процесс идет: в ноябре 2010 г. Россию населял 141,8 млн. человек: в начале 2011 г. россиян стало меньше на 82,4 тыс. человек. Причины и размеры смертности сходны с потерями мирного населения в военные годы: локальные военные конфликты, потери от террористических актов, рост количества жертв от преступлений (с 1985 по 2001 г. – почти в два раза), высокая смертность детей; повысились заболеваемость туберкулезом, смертность от наркомании, алкоголизма и курения. Особая статья – рост самоубийств именно в 1990-е годы. До сих пор по этому уровню мы занимаем «почетное» 4-е место после Китая (в 90-е годы подчас до одной трети добровольно уходящими из жизни были женщины). К этому добав-

ляются несчастные случаи на производстве, где не поставлена охрана труда, в быту, в эпидемиях и ДТП и т.д. Неудивительно, что по продолжительности жизни мы занимаем 99-е место среди 174 стран мира.

Важнейший инстинкт, абсолютный для всего живого, – воспроизводство рода – находится в критическом состоянии. С 1988 по 1998 г. количество первых браков сократилось на 400 тыс., повысился брачный возраст, выросло число вынужденных браков. Общее количество браков с 1990 по 1999 г. снизилось с 8,9 на 1 тыс. человек до 7,5; количество разводов повысилось с 3,8 до 4,8. Зато все более приемлемыми становятся бездетные и однодетные временные связи, меняются модели семьи – так называемые открытые, временные и т.п. браки и неполные семьи (в 1994 г. – около 17%). Ныне в лучшем случае насчитывается 2,3 ребенка на одну женщину, множатся однодетные семьи.

А.И. Антонов связывает «прямое следствие краха семьи с несколькими детьми с антисемейной направленностью политики всех без исключения правительственных кабинетов с 1968 г.» (1, с. 31) по настоящее время. Верно, что государственная поддержка семьи и детства остается совершенно позорной, правители не думают о будущем страны, в которой живут, и тем самым о своем собственном будущем, не заботясь хотя бы о реальной поддержке деторождения. С 1992 г. почти половина населения является «новыми бедными», имея средства, достаточные лишь для поддержания собственного физического существования или для сохранения текущего, весьма низкого уровня потребления. Так называемый средний класс превратился в мало значимую группу, борющуюся за сохранение этого статуса.

Распад семей, отсутствие цели и денег, безработица. Однако бедные и богатые пребывают в одной и той же позиции: для бедных – это «призрак» потребительского общества – отказ женщин детородного возраста от деторождения имеет таким образом актуальные социально-психологические черты. К примеру, женщины, ввергнутые в послевоенное время (50-е годы XX в.) в разруху и нищету, не надеясь на помощь государства и не думая о том, что «плодят нищих» (была все-таки надежда на лучшее будущее), тем не менее начали рожать и нарожали (вне брака тоже) поколение, ориентированное (так сложилось!), при всей скромности нашей

советской жизни, на материальный достаток, ставшее мотором перестройки и получившее то, что получилось. Сейчас те, кто входит в жизнь, лишены общности надежд и целей, обреченные на скудость выживания, не хотят рожать не только из-за бедности; есть мнение, что они предпочитают «приличную» жизнь, утоляя свои эмоциональные потребности в лучшем случае рождением одного ребенка. Все чаще новорожденных оставляют в мусорных баках, на снегу, в подъездах жилых домов.

Крах надежды на будущее? Эхо советской эпохи? Потребительские установки, чтобы все было, как в Европе («поколение, выбравшее “пепси”»)? По прогнозам французского демографического института ИНЕД, к 2025 г. наше население сократится на 20 млн. человек, если среднее число детей на одну женщину не превысит 1,3. А.И. Антонов полагает, что оно уменьшится на 40 млн., так как к этому времени на каждую женщину придется 0,7–0,8 ребенка.

Важными факторами кризиса являются дезорганизация семьи, нарушение распределения половых, или, как теперь говорят, «гендерных» ролей внутри нее, вследствие чего увеличивается число так называемых конфликтных семей, где муж и жена живут как «кошка с собакой», разрушая собственный брак и отрицательно влияя на детей. Речь идет в первую очередь о том, как строятся отношения между супругами, распределяется авторитет или власть / зависимость между членами семьи. Долгое время власть отца и зависимое положение женщины признавалось естественной ареной дискриминации женщины по признаку пола. Авторитарный отец, властно подавлявший семью, рассматривался как творец конформной личности – опоры тоталитарного общества (Т. Адорно).

Пришло время, когда общим местом стало утверждение о том, что новое общественное положение женщины есть великое завоевание, положившее конец патриархатному браку. Экономическая и социальная самостоятельность женщины, как и ее равенство в правах с мужчинами, бесспорно, является положительным фактором. Но замечательные завоевания женщины имеют и другую сторону, выливающуюся в огромную несправедливость. По-

давляющее большинство женщин вынуждены трудиться на производстве, у них низкая зарплата, и трудятся они на тяжелых работах. В постсоветское время они чаще остаются в числе безработных и наиболее низко оплачиваемых. В то же время на их плечах по-прежнему держится все домашнее хозяйство, и подчас женщина является единственной кормилицей семьи, поскольку мужу не платят зарплату либо он потерял работу.

Когда мужчина еще в советские годы перестал быть единственным или главным кормильцем семьи, это сказалось на распределении авторитета в семье не лучшим образом. Парадокс состоит в том, что в патриархатном обществе, где «вертикаль», да и «горизонталь» власти принадлежали мужчинам, в семье женщина берет бразды правления в собственные руки по патриархатной модели. Социологические опросы показывают, что более половины мужчин продолжают считать себя кормильцами, признавая главную роль женщины в воспитании детей, тем самым полагая сохранность патриархатной семьи; однако от 60 до 90% женщин считают, что вносят в семейный бюджет по крайней мере половину, а воспитание детей почти полностью остается за ними.

Работающая мать также оказывается способной выполнять подчиненную роль в семье, и достаточность инструментальной роли отца оказывается под вопросом либо отец вовсе устраняется. Глубокое нарушение взаимодействия между супругами приводит в конце концов к тому, что одна только женщина имеет власть над домочадцами. В такой семье бытует вариант домашнего поведения («игры») «Я одна везу этот воз» или «Чуткий коготь», когда жена и мать «вкалывает как лошадь» и на производстве и дома. Работа, хозяйство, воспитание детей, школа – все на ней. Муж у такой женщины – «ничтожный»: все время проводит у телевизора, в курении на лестничной площадке, за выпивкой; дети по углам не смеют пикнуть.

Для нормального существования супружества и оптимальной социализации детей необходимы совместное участие и ответственность обоих супругов. Значение отца в воспитании детей очень важно, так как без него подготовка ребенка к роли супруга и родителя оказывается неполноценной. В этом плане влияние родителей (не только их подход к ребенку, но и то, как они сами выполняют свою половую роль, каковы их супружеские отношения) оказывает прочное воздействие на последующую жизнь человека.

В дальнейшем возможны существенные изменения, но они никогда не бывают тотальными.

Особенно велика роль отца для самоидентификации мальчика в процессе его превращения в мужчину. Невовлеченность отца (или мужчины-воспитателя) в этот процесс приводит к формированию замещающих мужественность проявлений – к псевдомужественности, требующей постоянного подтверждения в актах агрессии и других видах вызывающего поведения.

А как обстоит дело с эмоциональной функцией женщины, воплощающейся в материнстве, – более древнем, чем семья, институте человеческого общества? В России множество мальчиков и девочек по крайней мере трех поколений – выросло в неполной семье без отца. В мире всегда мужчин насчитывалось больше, чем женщин. В России с конца XIX в. и позже количество мужчин постоянно уменьшалось. Первая мировая и Гражданская войны, коллективизация и репрессии второй половины 30-х годов, ГУЛАГ, поселенческие колонии и переселения и наконец Отечественная война сделали свое дело: в России мужчин на 50 млн. меньше, чем женщин.

Сейчас много говорят о глубоком кризисе материнства. Вовлеченная в работу мать, сдвинувшая отца на периферию семьи, одна не может справиться с ответственной ролью главной кормилицы и единственной воспитательницы детей. В чем конкретно выражается нарушение здорового взаимодействия между матерью и детьми? Источник авторитарности в семье, основанной на мелочном контроле и подчинении ребенка жестким правилам и ведущей к конформности личности, переместился от отца к матери, контролирующей буквально каждый шаг детей, причем отец всегда оказывается в стороне либо на стороне матери. Так формируется в детях пассивность, крайними проявлениями которой являются глубокая депрессия, уход в болезнь, бегство из семьи, девиантное поведение, взрослый инфантилизм. До сих пор тысячи детей не имеют крыши над головой также и потому, что родители, неспособные обеспечить им нормальное существование, вытесняют детей из дома.

Зачастую лишенная интимной гармонии мать требует от ребенка, чтобы тот заполнил пустоту ее жизни, и превращает его в свой постоянный придаток. Мальчик становится любимчиком, в то

время как отец пассивно содействует данному положению дел либо вообще исключается из их отношений, подчас получающих эротическую окраску. Для нормального развития ребенка в первые годы жизни велико значение автономности в ходе его контактов с матерью.

Если ребенок никогда не остается сам по себе в присутствии матери, он лишен свободы. В школе такой ребенок всегда испытывает большие трудности, в общении со сверстниками не пользуется признанием, учитель не способен ни обучать его, ни приобщить к группе; он пасует перед школьными требованиями самодисциплины. Навязывая ребенку отношения господства и рабства, мать не только подчинена ему, но связывает и его огромной зависимостью, превращая и его по сути дела в раба. Что касается «маминой» дочери, «хорошей девочки», то разобщенность родителей в скрытом или открытом конфликте, исключительные претензии матери на ее послушание, на выявление ее талантов и способностей, нападки на привязанность к отцу и т.п. также приводят к психическим срывам, к глубокой деформации ее женской половой роли, к возникновению стойкого негативизма в отношении интимной жизни.

Таким образом, естественные потребности детей в автономности и в то же время в близости матери подвергаются большому испытанию вследствие новой роли женщины-матери в семье, получившей единоличную ответственность за заботу о детях и о доме.

Рассмотрению отношения «мать – ребенок» и воздействию на это отношение общества уделяется все большее внимание в социально-философских, педагогических и психологических трудах. Эта проблема привлекает и психиатров, видящих в особой интенсивности этих отношений один из источников шизофрении. От вседозволенности через жесткий контроль к полной заброшенности – таков путь подрастающего человека к неврозам, психозам, отклоняющемуся поведению в детстве и отрочестве, к социальному инфантилизму и преступности. Там, где женщина – глава семьи, отечественные социологические исследования отмечают «гипероценку материнской роли», характерную для современных подростков (см.: 13, с. 57).

Заметим, что ритуализированный культ матери выплеснулся за пределы подростковой культуры и инфантильной по определению уголовной среды и поразил весьма солидных представителей мужского рода, причем речь идет не только об одиноких матерях,

единственной опоре подрастающего человека, а о матерях-владыках в конфликтной семье. Впрочем, подростки не всегда на стороне сильной матери, о чем свидетельствуют исследования американских социологов (например, Бетти Фридан, называвшая их «ужасной американской матерью»). Можно в связи с этим вспомнить и сдержанный, но душераздирающий рассказ Э. Хемингуэя (особенно учитывая трагический конец его жизни) «У нас в Мичигане», в котором властная мать, наводя чистоту в подвале семейного жилища, сжигает на костре коллекцию индейского оружия и убранства, с любовью собираемую главой семьи долгие годы. Отец молча созерцает гибель дела своей жизни, а мальчик стоит рядом, сопереживая утрате.

В этом рассказе – знак судьбы, определившей собственную жизнь и творчество выдающегося писателя: поиски счастья и любви, которые трагически не сбываются в миг удачи («победитель не получает ничего»). Романы о любви от «Прощай, оружие» и «Фиеста» до «По ком звонит колокол» и др., где любовь гибнет на своем пике от неотвратимых обстоятельств, притча о мечте о большой рыбе, которую в конце жизни удалось поймать старику, и о хищной акуле, лишившей его этого праздника жизни, после чего старик сложил весла – сказание о собственной жизни человека, высоко ценившего любовь, не смирявшегося с обстоятельствами, ограничивающими его свободу и мужество. В эпилоге жизни реальная женщина, душившая автора в объятьях тоталитарной любви, заставила его «сложить весла».

В детстве закладываются и неспособность к принятию решений, особенно у мальчиков, и безответственность во взрослой жизни (18). В. Базарный (Научно-внедренческая лаборатория проблем образования Московской области, Сергиев-Посад), опираясь на социологические исследования восточных городов страны, развивает тему, указывая на угасание генетических свойств маскулинности у мальчиков, а также на возрастание маскулинности у девочек и женщин из-за преобладающей роли женщин не только в семейной социализации, но и в детских садах, школах и в вузах. Особое значение имеют гетерогенные классы, где более раннее созревание девочек обрекает мальчиков на роль «слабаков», разрушая архетип становления мужества и силы у мальчика – юноши – мужчины, а девочек – на противоположный сдвиг. Так закреп-

ляются слабость волевой сферы, инфантилизм, неспособность к принятию решений. Необходимо, заключает автор, преодоление бесполой культуры XX в. – культуры зла (2, с. 8).

Что касается алкоголизма, то его корни также созревают в детстве. Э. Берн, известный исследователь стереотипов, обременяющих детскую и взрослую жизнь человека, например, показывает, что «алкоголик» – «игра на всю жизнь»; иницируется в семье, когда чаще мать в качестве преследователя закладывает стереотип виновности (грязные руки, небубранная постель, беспорядок в комнате, неурочное возвращение домой, мучитель семьи и пр.), который затем подтверждается в браке, когда преследователем выступает супруга (ныне реже – супруг): не то принес, не там, не здесь, не тут сел и прочее, более изобретательное. Это чувство снимается чаще всего вином, наркотиками в компании сочувствующих, демонстративной пассивностью, когда жертва хочет быть в любом виде только «плохой» либо уже ничего не хочет, уходя в глубокий невроз, одним из проявлений которого является похмелье, покидая семью (4).

Кризис отцовства и материнства теснейшим образом связан с другой сферой эмоциональной жизни семьи – с интимными отношениями супругов. В нашу эпоху изменились роль женщины в половой жизни и роль половой жизни в жизни женщины. Речь идет о так называемой сексуальной революции. Если отвлечься от внешней, порой скандальной стороны дела, от уродливых напластований, то в основе сексуальной революции можно обнаружить весьма простой, исторически необходимый процесс, имя которому – раскрепощение женщины.

Установление моногамных отношений, существовавших для мужчин лишь номинально, называют всемирно-историческим поражением женщины (например, Ф. Энгельс). Мужчина превратил женщину в служанку, в рабу своей похоти, «в простое орудие деторождения». Теперь женщина пытается взять реванш: тайная пружина ломки традиционных половых отношений – стремление женщины к равному сексуальному партнерству. Речь идет не о равенстве ролей (разница их установлена природой), а о равном

праве на наслаждение, о снятии сексуальных запретов, которые накладывал на женщину патриархат. Брак по расчету, двойной стандарт полового поведения (один для мужчин, другой для женщин), взгляд на жену как на собственность мужа – все это столь же уродливо, как и сексуальное неистовство современности.

Более чем полтора века тому назад И.Г. Фихте попытался философски обосновать принцип: два пола – две морали. «...То, что первый пол ставит целью удовлетворение своего полового влечения, вовсе не противно разуму, ибо оно может быть удовлетворено посредством деятельности; а то, что второй пол ставил бы целью удовлетворение своего полового влечения, совершенно противно разуму, ибо здесь целью сделалось бы чистое страдание... Для женщины вовсе не отрицается возможность ни опуститься ниже своей природы, ни благодаря свободе возвыситься над ней; такое возвышение немногим лучше падения. Ниже своей природы опускается женщина, если унижается до неразумности. Тогда половое влечение... может стать сознательной и обдуманной целью действий» (25, с. 121).

Испанский психолог Мараньон-и-Посадильо рассматривал либидо как чисто мужское качество, нефригидных женщин он называл «мужеподобными». Даже З. Фрейд, впервые серьезно занявшийся сексуальной проблемой, ограничил свое рассмотрение мужским полом. «Любовная жизнь женщины, – писал он, – ...погружена в непроницаемую мглу» (26, с. 27). Однако преданный пуританской этике, Фрейд не сомневался в том, что все наблюдаемые половые различия, включая мужскую гегемонию, основаны на биологических законах. Его сентенции о зависти женщин «к половому члену», о пониженной сексуальности женщины ныне опровергнуты жизнью.

В.И. Ленин предсказывал коренную ломку половых отношений в буржуазном обществе. В беседе с Кларой Цеткин В.И. Ленин говорил: «...в эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений бли-

зится революция, созвучная пролетарской революции» (27, с. 48). Об этом даже не мечтали ни суфражистки, ни феминистки, добивавшиеся на Западе права голоса для женщин.

Россия была «впереди планеты всей», объявив о радикальном равенстве женщин с мужчинами. Один из первых декретов советской власти, провозгласив равные права мужчины и женщины, положил начало широкому вовлечению женщин в общественное производство, в социальную и политическую жизнь. В первый период советской власти женщины этим правом пользовались весьма активно, пока в 30-е годы не возникли препоны в виде представительных расчетов и квот на выборные и чиновничьи должности. Были легализованы также свободные, не скованные законом, отношения между мужчиной и женщиной, воодушевляемые литературными историями о женщинах XIX в., искавших свободной любви в «Грозе» А.Н. Островского, в «Асе» и других сочинениях И.С. Тургенева и всех без исключения творцов золотого века литературы. Прологом веку XX стало творчество А.П. Чехова, создавшего драматическую картину, по словам известного литературоведа Юрия Ивановича Архипова, войны между полами.

Женщина обрела желанную независимость. Важная деталь: распространение противозачаточных средств устранило беспокойство о «последствиях», которое мешало девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине. Свобода полового поведения в первые годы советской власти выразилась не во вседозволенности. Хотя законы рухнули и свидетельства о браке, разводе, о рождении и смерти выдавались не глядя, союзы между мужчинами и женщинами заключались на основе взаимной привязанности, общности взглядов на мир и совместного трудового участия в восстановлении страны. Страхующим фактором союза была партийная и комсомольская дисциплина, принимаемая всерьез. Теоретиком таких союзов стала Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) – первая в СССР женщина-комиссар, министр и дипломат в ранге посла. Она считала такой союз в любви и согласии выше брака и семьи. Однако следует отметить, что многочисленные пары двух и даже трех пореволюционных поколений прожили в мире и согласии без заветных корочек всю жизнь (т.е. почти до 70-х годов XX в.), передав традицию некоторым из своих потом-

ков. То, что ныне называется гражданским браком, хотя и охраняет в какой-то степени права детей, чаще свидетельствует о зависимой роли женщины.

В те ранние годы советской власти выступили и радикальные феминистки с лозунгом «Долой стыд», принявшись в публичных местах снимать с себя исподнее; существовали и более чем кратковременные браки, и вамп-женщины – обольстительницы, и донжуаны, менявшие женщин как перчатки, и уличные женщины. Но тогда еще никто не придумал объединить это свинство, выражаемое словами «заниматься сексом», – с любовью и браком: ведь оно призвано всего-навсего обозначить утоление сиюминутной жажды к удовольствию, не важно, с каким партнером. Именно это последнее «равенство» и получило в США название «сексуальной революции», распространившейся позже по миру.

Группа американского зоолога Алфреда Кинзи с 1938 г. изучала половое поведение человека как биологического существа. В 1948 г. были опубликованы итоги труда о поведении самца, в 1953 г. – о поведении самки. Итоги были ошеломительными. Отчеты Кинзи опровергли убеждение о гетеросексуальности человека и о его половом воздержании как нормы поведения. Выяснились внебрачные половые контакты у 50% мужчин и у 26% женщин, склонность к перверзиям, к порнографии и пр. Общество потребления встрепенулось, и началось поспешное утоление жажды удовольствий, унижающих и в конечном счете обрекающих на гибель несчастных носителей неутоляемого секс-зова. В 1950 г. возник «Плейбой!» – первый порнографический журнал; в 1970 г. порнография получила легитимность. В 1954 г. был напечатан первый комикс с детской порнографией, дети стали объектами сексуальности. В Министерстве обороны США признали возможной службу гомосексуалов. Провозглашено благо аборта, приняты инцест и содомия, в ряде штатов – гомосексуальные браки (2004). Протесты граждан, органов здравоохранения, общественных организаций и церкви ни к чему не привели. Наркотики и СПИД несколько убавили прыти, постепенно сексуальный беспредел пошел на спад. Здоровью народонаселения однако был нанесен большой урон.

Ныне возник вопрос в том, привела ли личная и общественная независимость женщины к ее подлинной свободе. Во второй половине XX в. многое прояснилось: говоря о главенстве женщи-

ны в семье, о ее вовлеченности в общественную жизнь, предчувствуют грядущий матриархат. Как будто открылся путь к устранению дисгармонии. Но не тут-то было! Давно известно, что раскованная женская сексуальность, не сдерживаемая религиозными и нравственными скрепами, превосходит мужскую (в прямом количественном смысле). И это грозит бедой. В свое время Монтень предупреждал мужчин об этой особенности женщин: они ненасытней и пламенней в любовных утехах – тут и сравнивать нечего. Руссо страшился за жизнь философа, если он окажется в среде сладострастных женщин. Мандевиль настойчиво призывал воспитывать девочек в стыдливости.

Коварная природа (или Бог?) дала женщине ненасытность, мужчине же – похоть, не совпадающую с вожделением, реализация которого ограничена его половой конституцией, его психологическими особенностями, стрессами, многими житейскими обстоятельствами. Когда любовь основана главным образом на половом влечении (например, у Анны Карениной и Вронского это было именно так), очень скоро возникает разрыв между хотениями и возможностями их удовлетворения, и начинается та самая жизнь, которая причиняет самые глубокие страдания. Любовь Анны и Вронского не обрела родственной близости. Здесь не было места откровенности и доверию. В романе есть ключевая фраза: «Вронский не мог желать ее так же часто, как раньше». Это естественно для угасания с возрастом (или с привычкой?) активности. В браке это дело поправимое: воздержание своего рода диета. На это не обращают внимания либо (при большом доверии) решают на совете двоих. Но здесь заключался источник взаимного непонимания двух любящих сердец: не мог же ослепительный Вронский признаться в своей слабости, да и Анна, пожалуй, не могла бы его понять. Вронский пытается отдалиться, Анна видит в том его охлаждение. В наши дни, когда культивируют именно секс, когда его отделяют от любви, когда царит гедонизм и назойливо пропагандируют смысл жизни как череду развлечений и удовольствий, многие семьи страдают и рушатся из-за такого дисбаланса.

Что мы имеем на сегодняшний день? Отдельные казусы превратились в массовый процесс: сексуально озабоченный мужчина и сексуально взвинченная женщина. Семья на грани физического вымирания. Мужчина, не имеющий средств ни содержать семью,

ни принимать решения не только в семье, но и на общественной ниве, предстает как «слабый» («третий») пол. Растерянный настоящим геноцидом СМИ, направленным против его маскулинности, в том числе, кстати, и против тех, кто все это с экрана навязывает зрителю, – («чувственные губы», «волосы, в которые хочется зарыться», либо похотливая самка с достойной лучшего применения регулярностью появляясь на экране, то и дело пытаются «овладеть» несчастным зрителем; и соблазнительная Сандра Мило (см. фильм Феллини «Восемь с половиной») все не в силах принудить его к акту: мужчина пасует перед реальностью. Тому же служат и красивенькие порнокартинки, и стриптизерши, юбки выше ягодиц и топлес ниже пупка – никакой тайны; но такой соблазн, что даже «милиционер» – создательница всемирно известных детективов – публично обнажила свои перезрелые ляжки в «вечном зове». Мужчина выбирает пассивный вариант и потому, что его собственное сексуальное поведение кажется бледным и непривлекательным.

Нынешние инфантилы – 50-летние «мальчики» в джинсах и «бесполое» на вид «культуртрегерши»-женщины – публично пытаются лишить мужчину последнего домена, где он столетиями оставался бесспорным «хозяином», – ненормативной лексики. Подчас под бдительным оком ненасытно любящей мамочки они прилюдно в печати и на ТВ показывают свою «крутость», обесценивая своей неумелостью глубинные душевные (и очень богатые, недоступные им в сакральном, содержательном и лексическом отношениях) языковые архетипы, куда не было входа женщине. Но этот язык – сакральный: он обладает мстительной силой, и его мщение уже становится очевидным.

Внешняя сексуализация современного общества сопровождается для мужчин вялостью фантазии и инстинктивного порыва (как выразился один известный наш юморист на одном из своих концертов, – «энергичной слабостью»). Теряя мужество, мужчина уходит от ответственности, превращаясь, если употребить понятие рода как гендера (см.: 8, с. 70–91), в некое «оно» («средний род»). В то время как женщина – такое же функциональное «оно» – являет завидную агрессивность. Однако мужчина пытается не сдаваться и в арьергардных боях унижает, подавляет, в том числе физически, ее волю, здоровье и жизнь, пытаясь отстоять колеблющуюся пат-

риархальную основу своего существования. И пока женщина поддается, надеясь в любовных приключениях обрести счастье; отсюда – обмен партнерами, пробный, открытый, гражданский брак в свободном полете – свободная полиандрия, либо самая разнообразная активность иного рода, направленная во вне своей души, своего спутника жизни и семьи.

И все же у нас в стране на женщине вот уж четыре поколения «держится мир» и преобладает стремление к равному сексуальному партнерству в семье; наталкиваясь на пассивность мужчины, оно остается неутоленным. Радикальное следствие женской гегемонии – ТУПИКОВОЕ нетрадиционное сексуальное поведение как ее спутника, так и ее выросших детей, содержание, функция и смысл которого в конечном счете ограничиваются потребительскими ценностями. Обретя публичность, с завидной агрессивностью «голубое» и «розовое» стремится доказать собственную привлекательность. Итак, реванш не удался: женщина снова терпит поражение. На этот раз совместно с мужчиной. Можно ли в этих условиях говорить о пасторали?

Где же выход? На Западе процветают психоаналитики и терапевты семьи, в 60-е годы получили распространение многообразные, как оказалось временные, формы семейных союзов. В 70-е годы всемирной известностью пользовалась методика психологов супругов Уильяма Мастере и Вирджинии Джонсон, пытавшихся врачевать супружеские пары, пафос которой состоял в восстановлении прочного дружелюбия между супругами (29). В конечном счете их собственный брак распался. К тому времени в США сексуальная революция пошла на спад. Американские граждане стремятся ныне вернуться к традиции, одиноко утешая семейные печали у психотерапевтов. Но число конфликтных семей остается высоким, рождаемость оставляет желать лучшего, множится число самоубийств. Компактные Швеция, Нидерланды и Бельгия, где самое высокое в мире количество одиночных домохозяйств,

законный брак у гомосексуалов весьма престижен, а у гетеросексуалов не пользуется спросом и в семье растят одного ребенка, вскоре, как полагают, обезлюдеют и заселятся мигрантами с Юга.

В России ориентация на прочную семью и на детей остается высокой, хотя рождение третьего ребенка планируют немногие. При этом мужчины утверждают, что женщины больше нуждаются в браке, нежели они. В самом деле, поскольку они составляют значительное меньшинство, на брачном рынке их привлекательность усиливается охотой женщин за «богатенькими Буратино». Но, потеряв или не заведя семью (развод, вдовство, целибат), мужчины раньше, чем женщины, уходят из жизни и чаще кончают жизнь самоубийством.

Многие ученые усматривают в браке будущего гинекоцентристскую картину мира, где именно женщина будет играть главную роль. Такой взгляд базируется на признании: 1) большей универсальности женщины, в силу чего она способна успешно войти в любую роль и соответственно обучаться искусству учиться, что требуется особенно теперь в связи с эрой динамично развивающихся высоких технологий; 2) природного атавизма, благодаря которому женщина более гибка и устойчива перед давлением отчуждающих факторов и тем самым способна обладать более высокой степенью самозащиты.

Что же останется мужчинам? Ныне не только радикальные феминистки предрекают им смерть, и в нашей прессе подсчитывают даты, когда мужчина исчезнет с лица земли. Похоже, усилия генетиков и нанотехнологов не пропадут даром, если, как они считают, научатся клонировать рабочую силу и терминаторов. Недавно сообщили о расшифровке ДНК неандертальца, которого в ближайшие годы можно клонировать как рабочую силу. Значит, рынок труда не будет пустовать. Что будут делать женщины, откуда возьмутся их дети, кому они будут нужны? И в конце концов, кому приснится зеленая трава у «своего порога»? Однако не будем о грустном. Пока мы живы, у нас иные проблемы.

Ныне литература о семье все чаще апеллирует к достижениям естественно-научного знания, свидетельствующим о значении

прочного союза мужчины и женщины как структурных частей единой системы, в которой традиционные различия мужской и женской роли коренятся в биологических основах половой дифференциации и поддерживаются информационно-нравственными стереотипами (см.: 19, 23).

Естественно, что подавляющее большинство мужчин и женщин как на Западе, так и у нас ориентированы на прочную, стабильную и счастливую семью. Установку на любовь, доверие и взаимопонимание обнаруживают не только молодые люди, но и все, кто переживает в своем браке те или иные проблемы. В оздоровлении семьи должны быть заинтересованы все общество и государственные институты, чего сегодня не наблюдается. Материнский капитал не помогает. Необходимо создать комплексную программу поддержки семьи. Черная модель будущего может быть предотвращена, если общество осознает кризис семьи как острейшую социальную проблему и добьется материальной и социальной поддержки семьи» со стороны государства. Необходимо коренное изменение духовного климата, формирование которого отдано ныне на откуп безответственным «евнухоидным» СМИ; необходимо вернуть народу традиционные духовные ценности, реабилитировать любовь в семье и браке, культивировать деторождение, организовать половое воспитание, включающее и мощную нравственную составляющую. Интимную жизнь нельзя рассматривать только как личную физиологическую проблему, отвлекаясь от целостного облика человека, от образа его жизни, от более широкого круга его взаимоотношений и взаимозависимостей. Поведение мужчины и женщины в обыденных, житейских, семейных ситуациях – это тоже половое поведение, оказывающее влияние на всю жизнь семьи. Здесь наше невежество безгранично.

Среди мотивов разводов, как известно, преобладает аргумент «не сошлись характерами». Социологи указывают на психологическую гармонию в повседневной жизни как на базис или предпосылку брачной, в том числе пасторальной гармонии. Люди неодинаковы не только по своим физическим (сексуальным), но и психологическим характеристикам; поэтому необходимо считаться с особенностями партнера и не стремиться подгонять его под свою мерку. Люди в той или иной степени сохраняют в себе реликты собственного детства. Это – прекрасная черта, когда она не подав-

лена еще в родительском доме либо в созданной человеком семье. Но и опасная, если она превалирует во взрослом человеке. Следует знать, что грубое искоренение идущих из детства импульсов к радости, творчеству, к эмоциональной раскованности не только обедняет жизнь семьи, но и ведет к отчуждению мужа и жены, детей от родителей. Другая сторона медали состоит в подчас чрезмерном грузе привычек, взглядов и правил, привнесенных в новую жизнь из родительского дома. Эти правила, неизбежно разные и часто противоречивые, мешают по-настоящему сблизиться двум птенцам, вылетевшим из родительского гнезда. Конечно, воспроизводство правил родительского дома – это и воспроизводство традиции, играющей важную роль в смене поколений и для стабильности культуры. Человек крепко укоренен в своем родительском доме, и бесцеремонно нельзя разрушать идущие из детства любовь и преданность партнера образу родителей. Выяснение изъясных и взаимные попреки по их адресу бесперспективны, способны завести брак в тупик. Но и некритическое следование родительскому примеру одного из супругов вызывает напряженность в их отношениях.

Как разделить авторитет и власть – еще один вопрос. И кто будет делить? Указы бессмысленны, повеления и запреты ушли в прошлое. Осознание проблемы – предпосылка ее решения. А позитивное ее решение возможно лишь тогда, когда в мужчине и женщине будут воспитаны твердая моральная установка на необходимость сохранения равенства и взаимного уважения в браке, а также понимание того, что чувства и потребности других людей (в том числе детей) не менее важны, чем наши собственные. Пришло время для сознательного устройства семейно-брачных отношений, пора отрешиться от дурных правил общения между полами на основе господства и подчинения. И в этом трудном процессе особую роль призваны играть женщины-матери. Воспитание разумного материнства – так стоит задача.

Возможно, женщины будут возмущаться, но мы повторим слова известного советского демографа Б. Урланиса, сказанные лет 40 назад: «Берегите мужчин!» Нужно беречь мальчиков-сыновей от чрезмерной, исключительно женской опеки и власти; воспитывать их вместе с отцом или другим мужчиной либо, на худой конец, культивировать автономность и самостоятельность растущего в вашем

доме будущего мужчины, ибо забота о том, как он обут-одет, как накормлен и каким наукам обучен, бледнеет перед тем, будет ли он счастлив во взрослой жизни с женой и детьми; либо он вообще будет лишен возможности их иметь (к сожалению, таких случаев становится все больше). Ведь даже приматы, взращенные в изоляции, не способны к брачному поведению. Не следует изолировать и ваших девочек от семейного очага, непременным условием которого являются теплые отношения отца и матери.

Сильный удар по мужскому достоинству – неспособность содержать семью. Муж должен ждать поддержки не от таких же, как он, горемык, а от родной жены и близких. Нужно беречь мужей. Парадоксально, но факт: сильный пол значительно уязвимее – он нуждается в поощрении и поддержке, чтобы быть на высоте, в том числе и в интимных отношениях. Поэтому беречь их – доля женщины. Ведь наша женщина не только «коня на ходу остановит» и «в горящую избу войдет» – она в семейной повседневности мудрее мужчины. А ласка – мощное оружие женщины. Стоит об этом подумать.

Надо вернуть, хотя бы частично, мужчину в школу. До Отечественной войны большинство учителей были мужчины. Сейчас школа – «бабье царство» (кроме разве что учителя физкультуры), и это отнюдь не способствует маскулинизации мальчиков, воспитанию будущих мужей и отцов. Важный аспект полового просвещения и воспитания – юношеская сексуальность. В эпоху сексуального беспредела она проявляется довольно рано, значительно раньше, чем появляется возможность и необходимость основать семью. Что делать? Этот вопрос не только остается без ответа, но даже не произносится. Каждый подросток решает эту проблему по-своему, не всегда лучшим образом, иногда с социально опасными последствиями. Необходимо устранить из жизни подростков слишком сильные сексуальные раздражители. Массмедиа, увы, работают в противоположном направлении.

Нельзя забывать, что сексуальное просвещение еще не делает человека счастливым, оно делает его лишь более сведущим. Знание – только необходимая предпосылка для более широкого полового воспитания, призванного взрастить высокую сознательную культуру межличностного общения. Мы умеем ладить с начальством и коллегами, ценим общество друзей и знакомых, а в семье

пытаемся решать проблемы на базарном уровне. Между тем именно в ней необходимы взаимопонимание, обоюдное уважение к внутреннему миру партнера, к его особенностям, потребностям, возможностям, осознание необходимости ответственности и самоограничения. Все это формируется не только внешними нормами поведения, но главным образом внутренним потенциалом положительного взаимодействия. Глубокое чувство при этом подразумевается.

О последнем следует сказать особо. Альфа и омега пасторали – в подлинной близости, человеческой, возвышающей, одухотворенной, дающей радость, – это взаимная любовь. Как рождается это чувство – тайна, не известно, как реализуется таинство. Здесь наука пока не может сказать последнего слова. Способность к любви – высшая проба человечности в человеке. Закладывается и выявляется это чувство прежде всего в семье. Умению его реализовывать в соответствии с природой человека, увы, нужно учить, потому что по своей природе, хотя и задуман он идеально, но далек от совершенства; к тому же и социальные условия могут способствовать как гармоническому развитию этого дара, так и извращению его в нечто чуждое.

К примеру, в статье, посвященной 180-летию со дня рождения Н.Г. Чернышевского, его представили в духе времени как носителя всевозможных сексуальных комплексов. Автор видит в нем утиста, вымучивающего действительность со страстью фетишиста (его утопический проект «Четвертый сон Веры Павловны»); неназываемые в статье его сексуальные отклонения, юношеский гомоэротизм, восхищение статуями, а не людьми и пр. позволяют автору характеризовать его как мазохиста, вуайериста и т.д. и почему-то с этой точки зрения попрекать его за любовь к собственной жене, которая ему изменяла (см.: 5, с. 1–2). Что Чернышевский должен был делать? Побить ее, подать в суд, бросить ее? Почему его преданность, по мысли автора, была «благословением блудницы»? И почему автора не привлекала статья Чернышевского «Русский человек на randevу», в которой тот обливал презрением мужчин-соблазнительей, позорно бросающих на произвол судьбы молодых девушек, укоряя их за трусость? Чернышевский был, видимо, из тех, не часто встречаемых теперь, мужчин, кто способен отвечать

за свои поступки и нести свою ношу. Его следовало бы поблагодарить за урок.

Какова природа человека? В 1973 г. английский астрофизик Б. Картер сформулировал так называемый антропный космологический принцип, гласящий, что все наши наблюдения и все наши знания столь же необходимы для Вселенной, как и для самого наблюдателя. Это означает некую тонкую настройку в ее недрах, определяющую нашу привилегированность во Вселенной. Эта мысль вызвала дискуссию среди физиков, многие из которых пришли к выводу, что необходимость появления человека была заложена в «Большом взрыве», сотворившем наш мир. «Задумано», как говаривал В. Солоухин, глядя на цветущие лесные поляны. Некоторые участники дискуссии принимали естественную теологию (3, с. 80–121).

Религия – древнейший институт человечества – учила тому же, но она исходила не от наблюдателя, а от творца и от творения. Однако наука и религия сближаются в том пункте, что человек как важный агент познания Вселенной призван заботиться о самосохранении, он существо космическое и в ответе перед космосом и земной жизнью, протекающей в многообразии культур, народов и племен. Поэтому нельзя допускать разрушения нетленных этических норм, фиксированных в религиозных заповедях (23, с. 125). Сегодня (после провала коммунистической идеологии и «морального кодекса строителей коммунизма») не предложено ничего нового. Ныне, как и в былые времена, уповают на религию. С. Хантингтон, например, один из немногих современных ученых, предрекавших в борьбе цивилизаций упадок западной культуры, указывал на религию как на наиболее важный элемент, образующий ее устойчивость. Усматривая возрождение религии во всем мире, он видел в этом реакцию на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, а также утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и солидарности. Обращаясь к иным культурам, сохраняющим устойчивость, он иногда включал в их число и Россию (6). Известный отечественный философ истории и футуролог А.С. Панарин, анализируя системный кризис, в котором оказался мир, неоднократно указывал на право-

славие как на путь к спасению. Единственным спасением семьи является возвращение к традициям, на протяжении веков скреплявшим единство народа и способствовавшим его выживанию в экстремальных условиях. Таковые имеются в наличии. Можно сказать, что теперь церковь осталась единственным институтом, в меру своих слабых сил лечащим семью и брак как святыню, а родительство – как приобщение к вечности. Государство призвано помочь ей в этом святом деле.

Список литературы

1. Антонов А.И. Семья. Какая она и куда движется: Современная семья. Два взгляда на одну проблему // Семья в России. – М., 1999. – № 1–2. – С. 1–39.
2. Базарный В. А где же мальчик? // Литературная газета. – М., 2004. – 26 окт. – С. 8.
3. Балашов Ю.В. Наблюдатель в космологии: Дискуссии вокруг антропного принципа // Проблемы гуманитаризации математического и естественно-научного знания. – М., 1991. – С. 80–121.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М., 1988. – 399 с.
5. Бойко М. Благословение блудницы // НГ ЕХ LIBRIS. – М., 2008. – 10 июля. – С. 1–2.
6. Букреев В.А. Человек агрессивный: (Истоки современного терроризма). – М., 2007. – 336 с.
7. Вихарев И. Миражи рассеиваются // Лит. газета. – М., 2011. – 9–12 февраля – С. 2.
8. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. – М., 2004. – С. 70–91.
9. Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе. – М., 2010. – 235 с.
10. Денисова Л.Н. Русская крестьянка в XX веке // Гендер и общество в истории. – СПб., 2007. – С. 393–406.
11. Еремеева С.А. Братья и сестры. «Приютенское братство» как союз мужчин и женщин // Гендер и общество в истории. – СПб., 2007. – С. 340–367.
12. Женщины и мужчины России: Стат. сборник. – М., 2008. – 281 с.
13. Здравомыслова О.М. О возможности изменения статуса женщины в семье // Народо-население. – М., 2002. – № 2. – С. 56–61.
14. Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Важнейшие факторы самоидентификации и социализации молодежи во взаимосвязи поколений // Молодежь современной России. Альтернативы выбора духовных и нравственных убеждений. – М., 2010. – С. 131–163.

15. *Иванова Н.И.* Новые тенденции в процессе формирования семьи: Молодые поколения меняющейся России // Российское общество на рубеже эпох: Штрихи к портрету. – М., 2010. – С. 17–31.
16. *Казин А.* Конец света – не выдумка // Лит. газета. – М., 2011. – 20–26 апр. – С. 14.
17. *Калашников М.* Глобальный кризис. – Режим доступа: <http://m.kalashnikov.livejournal.com/549169.html>
18. *Медведева Н., Шишова Т.* Дети нашего времени. – М., 2003. – 157 с.
19. *Муратов В.И.* Психокрибернетика живого. Человек-пчела: Ресурсно-информационная схема поведения живой системы // Человек. Образ и сущность. Гуманитарное знание и информация. – М., 2008. – С. 238–245.
20. *Покровский Н.* Из костромских записей. – Режим доступа: <http://www.Ugory.ru>
21. Семья в России: Стат. сборник. – М., 2008. – 299 с.
22. *Соловей В.* «Мы» и «Они» // Лит. газета. – М., 2007. – 24–31 дек.
23. *Ступаков Г.П.* В мире единства. Философские, религиозные, естественно-научные аспекты // Человек. Образ и сущность. Гуманитарное знание и информация. – М., 2008. – С. 246–254.
24. *Тимаков А.* Пастыри одичавшего стада // Альфа и Омега. – М., 2006. – № 2. – С. 156–162.
25. *Фихте И.Г.* Основоположения естественного права // Философские науки. – М., 1972. – № 5. – С. 119–124.
26. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. – М.; Пг., 1922. – 185 с.
27. *Цеткин К.* Воспоминания о Ленине. – М., 1955. – 127 с.
28. *Landbrecht L.* Kritik der Moderne – Krise Europas? Ueberlegungen in Anschluss an Nietzsche, Husserl und Derrida. – Hamburg, 1996. – N 1. – S. 57–72.
29. *Masters W., Johnson V.* The pleasure bond. – Torono, 1973. – 285 p.
30. *Sarrazin Th.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land auf Spiel setzen. – München, 2010. – 231 S.